
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Андрей Семенов, Элеонора Минаева

ГОРОДА РАСХОДЯЩИХСЯ УЛИЦ: РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ 2010-х

Конфликты по поводу устройства городской среды стали частью повседневности крупных российских городов. Уплотнительная застройка, снос историко-архитектурного наследия, застройка парков и других общественных пространств часто сопровождаются мобилизацией граждан, на которую, в свою очередь, вынуждены реагировать как публичная власть, так и застройщики. В конфликт зачастую вмешиваются третьи стороны – губернаторы, политические партии или общественные организации. Кроме того, мобилизация разворачивается в различных городских контекстах, с различной степенью интенсивности и длительности. Наконец, исход попыток оспаривания проектов застройки может быть очень разным: одни проекты осуществляются без каких-либо изменений, другие не реализуются вовсе. Каким образом можно упорядочить сведения о многочисленных городских конфликтах с учетом характеристик контекста и динамики без потери возможности сравнивать эти эпизоды между собой в аналитическом ключе? В статье мы описываем методологию создания базы данных «Городские конфликты в России», основанную на анализе конфликтных эпизодов (*contentious episode analysis*,

Андрей Владимирович Семенов – к. полит. н., ст.н.с., Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург; с.н.с., Центр сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия. Электронная почта: andreysesemenov@comparativestudies.ru

Элеонора Юрьевна Минаева – мл.н.с., Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург; н.с., Центр сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия. Электронная почта: eminaeva@eu.spb.ru

СЕА) как методологии среднего уровня для изучения мобилизации. Мы описываем концептуальные и методологические основы, а также иллюстрируем аналитические возможности базы данных. Мы демонстрируем, что конструкция базы данных, включающая как характеристики контекста и самого конфликта, так и взаимодействия участников конфликтных эпизодов между собой, позволяет переключаться между макро-, мезо- и микроуровнями анализа, проводить систематические сравнения и выявлять паттерны в траекториях городских конфликтов. Эпизоды оспаривания проектов застройки городской территории развиваются по множеству сценариев, они не обязательно ведут к победе или доминированию застройщиков и их союзников во власти. Как в «Саду расходящихся тропок» Борхеса будущее распадается на умножающиеся в процессе индивидуального выбора вариации мира, так и городские конфликты в России движутся по множеству траекторий, которые связаны и с контекстом, и с выбором сторонами конфликта стратегий и тактических средств в определенные моменты последовательности взаимодействий, образующих конфликтный эпизод.

Ключевые слова: городская мобилизация, городские конфликты, коллективные действия, урбанизация, состязательная политика

DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204

В декабре 2011 г. во дворах двух домов по улице Декабристов в Казани наблюдалась довольно типичная для российских городов ситуация: жильцы заблокировали технику, прибывшую для возведения многоэтажного дома на месте газона и игровой площадки. Жители требовали прекратить попытки начать строительство, поскольку документы на землю выданы незаконно: межевание под застройку проведено на основании поддельных подписей, в результате чего двор отошел застройщику, а жители получили вместо двора часть тротуара. Два года обращений в органы власти не дали никакого результата, и за две недели до открытого противостояния жители провели «народные гуляния» с перекрытием тротуара, что не помешало застройщику начать стройку. Нетипичным является окончание этой истории: жители добились встречи с мэром Казани, стройка была остановлена и решения о незаконном межевании отменены.

Подобного рода городские конфликты пронизывают всю постсоветскую историю развития российских городов: разрушение советской системы городского планирования вместе с дерегуляцией и коммерциализацией земли и недвижимости создали почву для широкого спектра противоречий между различными группами интересов. Предметом оспаривания со стороны граждан, помимо уплотнительной застройки, стали вырубка зеленых насаждений, снос памятников архитектуры, изъятие земель под инфраструктурные проекты (Семенов 2019). Многие исследования проводились на основании небольшого количества случаев и в рамках самых

разных исследовательских парадигм, в результате чего аккумуляция знания в области городских конфликтов оказалась в значительной мере затруднена (Желнина, Тыканова 2019).

Цель статьи – продемонстрировать возможности методологии анализа конфликтных эпизодов (*contentious episode analysis, CEA*) для систематического сравнения динамики и исходов городских конфликтов. Мобилизация по поводу трансформации городского пространства принимает самые разные формы и движется по разным траекториям. В статье мы анализируем более ста эпизодов оспаривания проектов развития городской территории, включившие более 1000 взаимодействий между ключевыми участниками – городскими жителями, застройщиками и представителями власти. Дескриптивный анализ массива данных позволяет проследить основные паттерны в траекториях конфликтных эпизодов. Статья организована следующим образом: в первых двух разделах мы описываем методологию создания базы данных городских конфликтных эпизодов, далее анализируем их основные характеристики на уровне взаимодействий и в агрегированном виде. В заключении рассматриваются ограничения и перспективы развития изучения городских конфликтов.

Анализ конфликтных эпизодов

Низовая городская мобилизация представляет частный случай «со-
стязательной политики» (*contentious politics*), т. е.

эпизодические публичные коллективные взаимодействия между субъектами и объектами предъявления требований в условиях, когда (а) правительство является стороной или частью процесса предъявления требований и, (б) будучи реализованными, требования затрагивают интересы хотя бы одной из сторон (McAdam et al. 2001: 5).

Состязательная политика охватывает широкий спектр процессов – от революций и социальных движений до локальных этнических столкновений и низовой мобилизации. Теоретическая рамка состязательной политики предполагает, что несмотря на содержательно разное наполнение, эти процессы объединяются похожими «механизмами» – «определенными классами событий, которые изменяют отношения между наборами элементов идентичным или очень схожим образом в разнообразных ситуациях» (Ibid: 24). Механизмы «связывают» между собой взаимодействия (события) в рамках более широких процессов (например, демократизации) и эпизодов состязательной политики предсказуемым образом.

Замысел основателей модели состязательной политики заключался в создании аналитического языка описания динамики коллективных действий, который бы позволил, с одной стороны, высветить регулярные паттерны, а с другой – встроить их в разнообразие контекстов. Анализ

«конфликтных эпизодов» (*contentious episode analysis, CEA*) предложен Ханспитером Кризи, Свенном Хаттером и Абелем Пожаром как попытка найти «срединный путь» между макроанализом крупных эпизодов (таких как революции или социальные движения) и микроанализом протестных событий (Kriesi et al. 2019). Фокус *CEA* заключается в анализе последовательности взаимодействий между сторонами конфликта, ограниченной предметом оспаривания. Состязательность присуща многим политическим процессам, но именно конфликтный и публичный характер коллективных действий, ограниченных предметом конфликта, превращают взаимодействия с другой стороной в «эпизоды».

В таком виде *CEA* представляет собой методологию систематического сбора информации о ключевых характеристиках процесса взаимодействия между сторонами конфликта в аналитически прозрачном ключе, что призвано обеспечить сравнимость различных эпизодов и последующую генерализацию полученных результатов. Ключевые понятия данной методологии – эпизоды, действия, последовательности и механизмы (*episodes, actions, sequences, mechanisms*). Эпизоды определяются как «непрерывный поток взаимодействий между правительством и оспаривающей стороной по поводу предложений политических курсов» (Ibid: 254). Такое определение ставит в приоритет крупные события вроде политических реформ и нуждается в уточнении, когда речь идет о мобилизации на локальном уровне. Эпизоды состоят из действий акторов в отношении друг друга, которые складываются в последовательности, где каждое действие связано с предыдущим. Два ключевых свойства последовательности – порядок действий и конвергенция (окончание взаимодействий). Механизмы типа брокерства, сертификации или репрессий, в свою очередь, «пронизывают» последовательности в качестве повторяющихся наборов взаимодействий с более или менее предсказуемыми последствиями.

Авторы отмечают, что конвергенция – лишь один из вариантов развертывания состязательной политики. Процесс также может колебаться (затухать и вспыхивать с новой силой), либо в принципе не иметь завершения. Более того, последовательности могут быть разными по своей длине, интенсивности и исходам. Наконец, в рамках одного эпизода взаимодействия могут распадаться на несколько последовательностей с разными исходами. Содержательное определение границ эпизодов зависит от предмета анализа и требует соответствующего уточнения: например, в центре внимания Кризи и соавторов государственные программы «затягивания поясов» (*austerity measures*) после глобального экономического кризиса 2008 г. и мобилизация против них. Действия правительств по запуску этих политик является стартовой точкой, а сами взаимодействия происходят между государственными и коллективными гражданскими акторами. Таким образом, аналитический аппарат *CEA* нуждается в уточнении при попытке его переноса на другие области оспаривания, например, городское пространство.

Методология анализа эпизодов городских конфликтов

Изучение городской мобилизации из перспективы анализа конфликтных эпизодов требует определенных теоретических и методологических решений. На концептуальном уровне, определение границ понятия «городской конфликт» является центральным. В литературе помимо этого понятия существуют другие термины для обозначения оспаривания проектов изменения городской среды гражданами – «городские движения», «городская низовая мобилизация», «городской активизм» и др. Исследования демонстрируют, что в России около 10% от общего числа протестных событий в год в среднем посвящены городской тематике: застройке, благоустройству, защите рекреационных зон и памятников архитектуры (Семенов 2019). Однако границы самого понятия «городской конфликт» остаются, скорее, эмпирическими.

В рамках данного проекта под городским конфликтом понимаются последовательные публичные взаимодействия между активистами, городскими властями, застройщиками и другими заинтересованными сторонами, цель которых – оспаривание изменений физических или символических аспектов городского пространства. Публичное оспаривание является первым ключевым аспектом определения: стороны должны предъявлять требования друг другу на доступных потенциально неограниченному кругу лиц площадках, которые могут иметь как формальный (суды, законодательные собрания, публичные слушания), так и неформальный (уличные собрания, прямые действия) характер. Кроме того, статус публичности образуется за счет обозреваемости взаимодействий другими сторонами, например, посредством освещения в медиа или других средствах массовой коммуникации. Если взаимодействия протекали исключительно в частном или напрямую не обозреваемом виде (например, в виде неформальных контактов между сторонами) без выхода в публичную сферу, такие эпизоды не включались в анализ.

Вторым ключевым компонентом определения является предмет взаимодействия – изменения физических или символических аспектов городского пространства. Последнее включает в себя не только физическую среду – здания и объекты инфраструктуры, но и навигацию, топонимику, инструменты городского планирования и управления. Городские жители могут быть недовольны как проектами застройки или развития территории, так и изменением названий улиц или площадей, проблемами общественного транспорта или подотчетности городских чиновников. Четкие границы исключительно «городских» вопросов установить невозможно: при предварительном анализе мы встречали конфликты (например, по поводу переопределения статуса муниципалитета или по поводу регулирования тарифов), полномочия по разрешению которых и, соответственно, адресат находились на уровне региональных или даже федеральных

властей, однако они непосредственно затрагивали физические или символические аспекты городской пространства.

Дальнейшая операционализация ключевых концептов стала одной из основных проблем для создания базы данных конфликтных эпизодов. На первоначальном этапе использовались материалы проекта «Состязательная политика в России», в массиве которого содержится информация о более 8 тыс. протестных событий на территории Российской Федерации за 2012–2016 гг., собранная на основании источников в базе данных «Интегрум». В этом массиве идентифицированы протесты, связанные с городской средой, что внесло определенные ограничения в отбор случаев: оспаривание тех или иных проектов изменения городской среды может осуществляться и за пределами уличной политики – в судах, в медиа или в местных советах, означая, что наш критерий наличия публичных протестов является довольно строгим. Тем не менее такая операционализация конфликтности позволила сохранить последовательность в отборе эпизодов для анализа.

На основании информации о протестах определены ключевые характеристики конфликта – локация, время, участники и повод. Затем собран массив информации по каждому эпизоду (одновременно уточнена тематика, часть эпизодов была отсеяна), который лег в основу базы данных. Информация собиралась из «Интегрума» и новостных агрегаторов по ключевым словам, связанным с эпизодом (в том числе – по топонимам и ключевым участникам). В ряде случаев возникли проблемы с определением хронологических границ эпизодов: многие городские конфликты имеют долгую историю, публичная активность вокруг них может исчезать полностью и возобновляться с новой силой (в таком случае, не происходит конвергенции последовательности действий как было указано выше). Чтобы обеспечить минимальную сопоставимость эпизодов в итоговом анализе, за нижнюю хронологическую границу взят 2011 г., который стал поворотным с точки зрения мобилизации и регулирования публичных протестов. Безусловно, городские конфликты существовали и до кампании «За честные выборы!» 2011–2012 гг. (Клеман и др. 2013), однако именно этот эпизод стал поворотным в динамике коллективных действий: с одной стороны, были значительно ужесточены правила проведения публичных собраний и акций протеста, а также введены другие ограничения на общественную деятельность. С другой стороны, в результате появилось множество городских инициатив, непосредственно не связанных с политикой (Ерпылева, Магун 2014; Dollbaum 2020).

За начало эпизода принималось публичное действие активистов по оспариванию какого-либо проекта трансформации городской среды. В информацию о конфликте также включались действия, предшествовавшие публичному оспариванию: к примеру, земля под застройку могла быть выделена задолго до 2011 г., а жители могли писать обращения в органы власти по поводу тех или иных проектов до выхода в публичное

пространство, как это было в случае с застройкой на ул. Декабристов в Казани. Акт публичного оспаривания (как правило – через уличный протест или прямые действия) обозначает переход конфликта в новую стадию: такого рода действия являются более затратными для жителей и указывают на их решительность в борьбе за свои интересы. Окончание конфликтного эпизода фиксировалось, если в течение одного календарного года взаимодействий между сторонами конфликта больше не наблюдалось. Такая конвенция, несмотря на ее условность (некоторые конфликты имеют вялотекущий характер), позволяет обозначать момент «конвергенции» конфликта и отличать законченные эпизоды от тех, где взаимодействия возобновляются по прошествии некоторого времени.

Полученная структура базы данных во многом напоминает классическую схему диадных взаимодействий, характерных для изучения военных конфликтов (Gerner et al. 2002). Основные взаимодействия (диада) фиксировались в треугольнике активисты-застройщики-власть, однако поскольку в ряде конфликтов важную роль играла третья сторона, принято решение включить ее в анализ. Единицей наблюдения, таким образом, является диада, ее основные характеристики (направленность, репертуар) и характеристики контекста (время и место действия, адресат, арена и пр.). Подробное описание всех характеристик можно найти в коудбуке в Электронном приложении (см.: Семенов и др. 2021). Особенностью является упорядоченность взаимодействий с помощью переменных, отражающих связь действий между собой, а также их «встроенность» в каждый из эпизодов, что позволяет переключаться между двумя уровнями анализа: отдельных действий и эпизодов в целом. Наличие локации позволяет в перспективе связать каждый эпизод с контекстными характеристиками городов, в которых они разворачивались. Мы остановимся на анализе основных паттернов на уровне взаимодействий и эпизодов.

Анализ на уровне конфликтных эпизодов

Конфликтные эпизоды, которые мы изучаем, складываются из последовательно разворачивающихся взаимодействий, подразумевающих реакцию одного актора на действия другого по поводу какого-либо аспекта проекта трансформации городского пространства. База данных «Городские конфликты в России» содержит информацию о 146 эпизодах городских конфликтов в 15 городах-миллионниках, в рамках которых зафиксировано 1 150 взаимодействий акторов. Подавляющее большинство конфликтов (64%) сосредоточено в крупнейших городах: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске и Нижнем Новгороде.

Наша база данных фиксирует такие характеристики конфликтных эпизодов, как продолжительность, тематика, локация и исход. На агрегированном уровне заметна значительная вариация по ряду этих характеристик

между городами: так, в Москве существенную долю занимают конфликты вокруг строительства дорог: в условиях разрастания города при сложившейся сетке застройки магистрали нередко проектируются вблизи домов, что вызывает протест жителей мегаполиса. В Санкт-Петербурге преобладают конфликты вокруг историко-архитектурного наследия. Уничтожение зелёных зон (парков, скверов и пр.) и уплотнительная застройка делят вторую и третьи позиции в столицах и занимают первые и вторые места в остальных городах.

Помимо географического разнообразия предмета конфликтов наблюдается территориальная специфика их исходов. Характеризуя выборку в целом стоит отметить, что отмена оспариваемого проекта достигнута всего в 32% случаев, тогда как его полная или частичная имплементация – в 61%. Два ключевых противоположных исхода – отмена оспариваемого проекта и его реализация без изменений – в целом по выборке уравнивают друг друга, однако в городах их соотношение различно. Так, в Москве 39% конфликтов завершено имплементацией проекта без изменений, тогда как отказ от проекта трансформации наблюдался в 18% случаев. Напротив, в Санкт-Петербурге и Новосибирске активистам чаще удается добиться отмены запланированного проекта. В Перми, Омске и Екатеринбурге доминируют компромиссные варианты, то есть имплементация измененных в ходе оспаривания проектов.

Учитывая вариацию в исходах конфликтов, интерес представляет изучение их связи с контекстуальными характеристиками городов и тематикой. Можно предположить, что целый ряд характеристик контекста определяет динамику (интенсивность и последовательность) взаимодействий и исход конфликтных эпизодов. Города-миллионники отличаются между собой по степени политической открытости, особенностям рынка недвижимости и экономическому профилю, что предполагает различную степень вмешательства и решительности застройщиков идти на конфликт (Семенов и др. 2018), а также доступность влиятельных союзников в лице оппозиционных депутатов или общественных организаций. Однако мы хотели бы проиллюстрировать связь исхода конфликтов с их тематикой, поскольку предыдущие исследования продемонстрировали, что предмет конфликта является одной из ключевых характеристик, позволяющих классифицировать низовую городскую мобилизацию (Семенов 2019).

Посмотрим на распределение конфликтных исходов по предметам оспаривания (рис. 1). Одно из ключевых наблюдений заключается в том, что вероятность реализации или отмены проекта действительно зависит от тематики: так, проекты, связанные с уплотнительной застройкой или уничтожением зеленых зон, имеют меньшие шансы на успех, нежели инфраструктурные проекты (такие как строительство дорог, развязок, трубопроводов) и застройка исторического и архитектурного наследия. В первых двух случаях активисты добиваются успеха в два раза чаще

по сравнению с ситуациями, когда проект реализуется без изменений. Протесты же против расселения или сноса зданий, напротив, имеют практически нулевые шансы на успех. Такая эмпирическая закономерность может быть объяснена решительностью сторон по отстаиванию своих интересов и характером мобилизации: в ситуации с уплотнительной застройкой и зелеными зонами ставки местных жителей высоки, а проект застройки непосредственно угрожает их благополучию, что способствует концентрированной мобилизации. Более того, такие проекты с большей вероятностью реализуются с нарушением правил. В ситуации с защитой архитектурного наследия, как правило, мобилизуются профессиональные активисты, и, если их сил недостаточно, а застройщик и власть проявляют решительность, реализация проекта становится неизбежной, как и в случае с инфраструктурными проектами, где власть задействует весь спектр средств для их реализации.

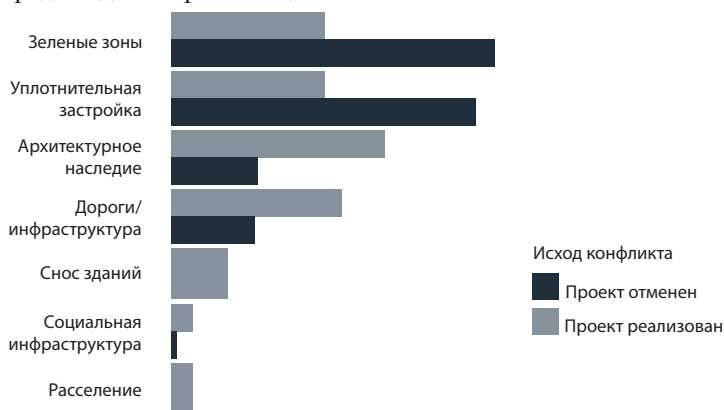

Рис. 1. Распределение конфликтовых исходов по предметам оспаривания

Таким образом, на уровне конфликтных эпизодов созданная база данных позволяет ставить и отвечать на целый ряд вопросов городских исследований. Помимо связи с исходом, контекст и общие характеристики эпизодов могут быть изучены как предикторы динамики конфликта, а также состава участников и особенностей их взаимодействия между собой. Последний вопрос будет рассмотрен в следующем разделе.

Анализ на уровне взаимодействий отдельных акторов

Анализ на уровне действий отдельных акторов позволяет лучше понять, какая из сторон является наиболее активной в конфликте, какую реакцию вызывают те или иные действия и на каких площадках они осуществляются. Мы разделяем участников конфликтных эпизодов

на «активистов», «застройщиков», «власть» и «третью сторону». Под «активистами» мы понимаем индивидуальных или коллективных участников городских конфликтов, непосредственно выражающих интересы горожан. Эти участники не обязательно являются профессиональными активистами, напротив, зачастую не имея никакого опыта общественной деятельности, они представляют наиболее активную часть города, выступают с коллективными требованиями. «Власть» представлена лицами, наделенными полномочиями принимать решения в публичной сфере в целом и градостроительной политике в частности. В эту категорию включены в первую очередь чиновники, поскольку именно их решения определяют ключевые параметры реализации проектов трансформации территории. Представители власти могут быть инициаторами проектов (например, если мэр или губернатор выступают заказчиками крупных инфраструктурных проектов), стороной конфликта или медиатором.

«Застройщики» – еще одна основная сторона конфликта, в которую включены частные или государственные компании, осуществляющие проекты трансформации городской территории. Наконец, в качестве «третьей стороны» могут выступать индивиды и организации, чьи интересы в рамках конфликта не являются непосредственно затронутыми, однако они играют значимую роль в поддержке одной из сторон. В большинстве случаев это политические партии и депутаты, некоммерческие организации и эксперты, а также лидеры общественного мнения, журналисты и т.п. Третьей стороной также могут выступать представители власти, например, губернаторы или мэры, которые зачастую предпочитают дистанцироваться от органов исполнительной власти, непосредственно отвечавших за проект, и выступают с позиций арбитра.

Кто является наиболее активной стороной в городских конфликтах? На основе переменных, фиксирующих, являлась ли та или иная сторона инициатором описываемого действия, создана переменная «инициатор действия», которая включает четыре категории, соответствующих каждой стороне. Она охватывает только те случаи, когда инициатором выступает одна из сторон, исключая наблюдения, когда инициатора определить невозможно. Почти половина (48,2%) взаимодействий в рамках городских конфликтов иницируются активистами, треть (27,3%) включает действия, иницируемые властью, 12,5% – застройщиками, почти столько же – третьей стороной.

Другая переменная – «этап проекта» – позволяет оценить, когда осуществляется тот или иной тип взаимодействия конфликтующих сторон: от первоначальных стадий (например, выделения земли под строительство), до полной реализации проекта (например, завершения строительства или сноса объекта). Частотный анализ демонстрирует, что большинство конфликтных взаимодействий разворачивается на этапе предложения проекта трансформации городской среды (35%) или в начале его реализации (36,3%).

Активисты, как показывает распределение описанной выше переменной «инициатор действия» по этапам реализации проекта, чаще всего начинают действовать именно на этих этапах. Интересно, что превентивные действия активистов – на стадии принятия органом власти решения выделить территорию для ее трансформации – встречаются реже всего, в 4,1 % случаев инициированных активистами действий; напротив, действия, предпринимаемые активистами на завершающем этапе реализации проекта отмечаются в 10 % наблюдений, что может свидетельствовать о серьезных ограничениях на доступ к информации на ранних стадиях строительства.

Стороны конфликта отличаются по своему репертуару. Активисты организуют публичные мероприятия и сбор подписей, обращаются в органы власти. Представители власти чаще всего предлагают, обсуждают и выносят решения по оспариваемым проектам, проводят общественные слушания, тем или иным образом реагируют на действия активистов. Застройщики инициируют застройку, взаимодействуют с администрацией в части подготовки проектной документации, выдачи разрешения на строительство, а также выступают истцом и ответчиком в судах. Дальнейший анализ может быть направлен на систематизацию и типологизацию действий сторон градостроительных конфликтов.

Рис. 2. Распределение использования участниками конфликтов различных арен

Участники конфликтных эпизодов совершают действия на определенных аренах – физическом пространстве с установленными правилами доступа и поведения участников (Duyvendak, Jasper 2015). Арены важны в первую очередь потому, что структурируют взаимодействия между акторами. Правилами арены определяются состав и количество участников, порядок взаимодействий и набор предполагаемых действий на них. Например, заседания комиссий городской думы по землепользованию и застройке регламентированы с точки зрения доступа и выступлений, что

отличает их от митингов и стихийных сходов, где по умолчанию доступ является универсальным, а выступления – нерегулируемыми.

Обратимся к рассмотрению распределения использования активистами, властью и девелоперами тех или иных арен (рис. 2). В отличие от двух последних участников, активисты часто используют такие площадки как СМИ, социальные сети и петиции, призванные влиять на общественное мнение (создать общественный резонанс) и позиции других заинтересованных сторон. Аренами действий представителей органов власти выступают заседания комитетов, комиссий и пр. подразделений, а также круглые столы, за которые, как правило, приглашаются активисты и застройщики. Для девелоперов, в отличие от их контрагентов, наиболее частой площадкой действий являются суды: застройщики подают иски, апелляции, обжалуют решения органов власти и т.п. Наконец, стоит отметить, что публичные слушания – одна из немногих обязательных формальных арен для согласования интересов между сторонами градостроительной политики на этапе решения о предоставлении разрешения на использование земли или объекта – используется намного реже, нежели другие площадки.

Заключение

В статье представлена база данных «Городские конфликты в России» и предпринята попытка в первом приближении охарактеризовать паттерны мобилизации по поводу трансформации городского пространства в крупнейших российских городах. Принятая в качестве отправной точки теоретическая и методологическая рамка анализа конфликтных эпизодов позволяет проследить траектории, арены и репертуар действий активистов, власти, застройщиков и других заинтересованных сторон, а также агрегировать конфликтные взаимодействия до целых эпизодов состязательной политики, варьирующихся по контексту, тематике и исходам.

Нашей отправной точкой является идея городского конфликта как ограниченной во времени последовательности взаимодействий активистов, властей, застройщиков и третьих сторон по поводу проектов изменения физических и символических аспектов городского пространства. Публичное оспаривание проекта в ходе акций протеста или других действий жителей в публичном пространстве, которые содержат требования изменить или остановить осуществление того или иного проекта, является ключевым элементом, позволяющим идентифицировать конфликтные эпизоды. Также в нашем случае принципиальным моментом является определение хронологических границ эпизода конфликтных взаимодействий.

Систематический сбор данных о такого рода взаимодействиях в 15 городах с населением свыше одного миллиона, начало которых пришлось на 2011–2014 гг., позволили выявить 146 эпизодов с более чем 1 000 взаимодействий. Deskriptивный анализ указывает на значительную простран-

ственную вариацию в частоте конфликтов, а также в предмете, динамике и исходе оспаривания. Наш анализ подтверждает уже известное наблюдение, что наиболее типичными поводами для городской мобилизации являются угроза зелёным зонам и уплотнительная застройка. В Москве и Санкт-Петербурге сложилась собственная специфика: в первом случае доминируют конфликты вокруг дорог и инфраструктуры, тогда как для второго наиболее распространённой является мобилизация, связанная с теми или иными угрозами историко-архитектурному наследию.

Предварительный анализ конфликтных исходов свидетельствует о невысокой вероятности отмены проекта по сравнению с его полной или частичной реализацией. В то же время местные жители зачастую выдвигают более умеренные требования, нежели отмена проекта. Эти требования предъявляются не только в ходе митингов и стихийных сходов, но и озвучиваются на институционализованных площадках, включая общественные слушания, круглые столы и мероприятия органов публичной власти. Публичная власть, в свою очередь, не обязательно выступает исключительно на стороне застройщиков, как предполагает литература, посвященная «политическим машинам» в российских городах (Тыканова, Хохлова 2015; Шевцова, Бедерсон 2020), но действует в качестве арбитра или может менять свою позицию, как в примере с конфликтом в Казани. В целом база данных отражает в доступном как для количественного, так и для качественного анализа виде существенные характеристики эпизодов оспаривания проектов изменения городского пространства, систематический сравнительный анализ которых позволит разрешить существующие загадки относительно характера и последствий низовой городской мобилизации.

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18–78–10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

Ерпылева С. В., Магун А. В. (2014) *Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов*. М.: НЛЮ.

Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2019) Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22 (1): 162–192.

Клеман К., Гладарев Б., Мирясова О. (2013) *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому*. М.: НЛЮ.

- Семенов А. В. (2019) Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. *Социологические исследования*, (12): 29–37.
- Семенов А. В., Бедерсон В., Минаева Э., Шевцова И. (2021) *База данных «Городские конфликты в России», версия 1.01*. Доступно по ссылке: <http://urbanconflictsrussia.ru/wp-content/uploads/2021/02/Codebook-URban-Conflicts-in-Russia-2021.pdf> (дата обращения: 19 апреля 2021).
- Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. (2018) Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21 (3): 140–169.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2015) Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2): 241–253.
- Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. (2017) «У власти точка зрения – молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования. *Политическая наука*, (4): 111–136.
- Dollbaum J. M. (2020) When Does Diffusing Protest Lead to Local Organization Building? Evidence from a Comparative Subnational Study of Russia's 'For Fair Elections' Movement. *Perspectives on Politics*, DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592720002443>.
- Duyvendak J. W., Jasper J. M. (2015) *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Gerner D. J., Schrodt P. A., Yilmaz Ö., Abu-Jabr R. (2002) *Conflict and Mediation Event Observations (CAMEO): A New Event Data Framework for the Analysis of Foreign Policy Interactions*. New Orleans: University of Kansas.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A. (2019) Contentious Episode Analysis. *Mobilization: an International Quarterly*, 24 (3): 251–273.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Andrei Semenov, Eleonora Minaeva

THE CITIES OF FORKING STREETS: TRAJECTORIES OF URBAN CONFLICTS IN RUSSIA

Conflicts over the urban environment have become part of everyday life in large Russian cities. Infill construction, the demolition of historical and architectural heritage, the removal of parks and other public spaces are often accompanied by the mobilization of citizens, to which, in turn, both public authorities and developers are forced to react. In addition, mobilization unfolds in different urban contexts, with varying degrees of intensity and duration. Finally, the outcome of attempts to challenge development projects can also be very different: some projects are implemented without any changes, others are not implemented at all. How can we organize information about multiple urban conflicts, taking into account the characteristics of context and dynamics, without losing the ability to compare these episodes with each other in an analytical manner? In this article, we describe our methodology for creating the database 'Urban Conflicts in Russia', which is based on contentious episode analysis (CEA). We describe the conceptual and methodological foundations and also illustrate the analytical capabilities of the database. We demonstrate that the design of the database, which includes both the characteristics of the context and the conflict itself and the interactions of participants in conflict episodes with each other, allows us to switch between macro-, meso- and micro-levels of analysis, make systematic comparisons and identify patterns in the trajectories of urban conflicts. We show empirically that episodes of challenging urban development projects follow a variety of scenarios, not necessarily leading to victory or domination by developers and their allies in power. Just as in Borges' Garden of Forking Paths, where the future splits into variations of the world that multiply in the process of individual choices, so urban conflicts move along multiple trajectories that are tied to moments of critical path choice.

Keywords: urban mobilization, urban conflicts, collective actions, urbanization, contentious politics

DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204

Andrei Semenov – Cand. Sci. (Polit.), Senior research fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Senior research fellow at the Center of Comparative History and Politics (PSU), Perm, Russian Federation. Email: andreysemenov@comparativestudies.ru

Eleonora Minaeva – MA (Polit.), Junior research fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; Research fellow at the Center of Comparative History and Politics (PSU), Perm, Russian Federation. Email: eminaeva@eu.spb.ru

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF № 18–78–10054) 'Mechanisms of interests coordination in the urban development processes.'

References

- Clément C., Gladarev B., Miryasova O. (2013) *Gorodskie dvizheniya Rossii v 2009–2012 godakh: na puti k politicheskomu* [Urban Movements of Russia in 2009–2012: Towards a Political]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dollbaum J.M. (2020) When Does Diffusing Protest Lead to Local Organization Building? Evidence from a Comparative Subnational Study of Russia's 'For Fair Elections' Movement. *Perspectives on Politics*, DOI: <https://doi.org/10.1017/S1537592720002443>.
- Duyvendak J. W., Jasper J.M. (2015) *Players and Arenas: The interactive Dynamics of Protest*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Erpyleva S. V., Magun A. V. (2014) *Politika apolitichnykh: Grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gerner D.J., Schrodt P.A., Yilmaz Ö., Abu-Jabr R. (2002) *Conflict and Mediation Event Observations (CAMEO): A New Event Data Framework for the Analysis of Foreign Policy Interactions*. New Orleans: University of Kansas.
- Kriesi H., Hutter S., Bojar A. (2019) Contentious Episode Analysis. *Mobilization: an International Quarterly*, 24 (3): 251–273.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Semenov A. V. (2019) Kornii travy: patterny nizovoy gorodskoy mobilizatsii v Rossii [Grassroots: Patterns of Grassroots Urban Mobilization in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], (12): 29–37.
- Semenov A., Bederson V., Minaeva E., Shevcova I. (2021) *Baza dannyh 'Gorodskie konflikty v Rossii', versija 1.01* [Database 'Urban Conflicts in Russia', v. 1.01]. Available at: <http://urban-conflictsrussia.ru/wp-content/uploads/2021/02/Codebook-URban-Conflicts-in-Russia-2021.pdf> (accessed 19 April 2021).
- Semenov A. V., Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2018) Gorodskaya mobilizatsiya i gradostroitel'naya politika: strategicheskoe vzaimodeystvie mestnykh zhitel'ev i zastroyshchikov v situatsii konflikta [Urban Mobilization and Urban Development: Strategic Interactions between Residents and Developers in a Conflict]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21 (3): 140–169.
- Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2017) 'U vlasti tochka zreniya – molchanie': vzai-modeystvie initsiativnykh grupp i organov mestnoy vlasti v politike gorodskogo planirovaniya [The 'Authorities Prefer to Keep Silence': The Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in Urban Planning Policy]. *Politicheskie nauki* [Political Science], (4): 111–136.
- Tykanova E. V., Khokhlova A. M. (2015) Gorodskoy politicheskij rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nyh i voobrazhaemyh 'mashin rosta' v bor'be za gorodskoe prostranstvo [The Urban Political Regime in St. Petersburg: The Role of Real And Imagined 'Growth Machines' in the Struggle for Urban Space]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (2): 241–253.
- Zhel'nina A., Tykanova E. (2019) Formal'nyye i neformal'nyye grazhdanskiye infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22 (1): 162–192.